

Список использованной литературы:

1. Коулман, Джеймс С. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора. Экономическая социология / Джеймс С. Коулман. Электронный журнал, www.ecsoc.msses.ru, – Том 5. – № 3. – Май 2004.
2. Фукуяма, Ф. Социальный капитал / Ф. Фукуяма // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М., 2002.
3. Blau, P. M. Exchange and power in social life / P. M. Blau. – N.-Y.: John Wiley, 1964.
4. Coleman, J. S. Foundations of social theory / J. S. Coleman. – Cambridge: The Bellhop Press of Harvard College, 1994.
5. Putnam, R. The Prosperous Community. Social Capital and Public Life / R. Putnam // The American Prospect, 1993. – Vol.4. – № 13. – P. 1–8.;
6. Putnam, R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital / R. Putnam // Journal of Democracy, 1995. – Vol. 6. – № 1. –P. 65–78.
7. Schiff, M. Social capital, labor mobility and welfare / M. Schiff // Ration Soc, 1992. –Vol. 4. – P. 157–175.

ПРАВО

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Е. С. Азарова

НОУ ВПО «Волгоградский институт экономики, социологии и права»

г. Волгоград, Россия

ENSURING CRIMINAL PROCEDURAL SECURITY FOR THE PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS

E. S. Azarova

The Volgograd institute of economy, sociology and the right, Volgograd, Russia

Summary. The given research deals with the guarantees of ensuring security for the participants of criminal procedure and different aspects of ensuring their criminal procedural security. Recommendations and suggestions on criminal procedural law improvement in this sphere are presented as well.

Key words: ensuring criminal procedural security, defense of criminal procedure participants, prevention of crime; fighting crime, unlawful influence, law-enforcement activity, litigation, crime investigation, investigative and operational practices, security measures, penal measures, purpose of criminal proceedings, preventive measures.

Защита прав и законных интересов личности является очевидным приоритетом и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Особую актуальность в этой связи приобретает проблема создания надлежащих гарантий обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию.

К сожалению, как отмечают многие исследователи, охрана безопасности участников уголовного процесса, правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию, носят декларативный характер и находятся на низком уровне [1]. В мерах обеспечения безопасности этих лиц допущены серьезные пробелы, что является

свидетельством не только сложности их нормативного урегулирования из-за новизны для отечественного законодателя, но и следствием того, что проблема посткриминального воздействия до сих пор остается на периферии его внимания при разработке законов, направленных на борьбу с преступностью [2].

Из-за несовершенства механизма уголовно-процессуального обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, действующее законодательство (уголовное, оперативно-розыскное, Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства») не может реально и в полном объеме быть реализовано для защиты указанных лиц. В сложившейся ситуации многие участники уголовного процесса нередко пытаются уклониться от выполнения своего гражданского долга, не желают сотрудничать с правоохранительными органами в целях оказания помощи в раскрытии и расследовании преступлений.

Распространенность дачи свидетелями ложных показаний отмечают многие исследователи, которые приходят к выводу, что основной причиной такого поведения является недостаточность мер по государственной защите свидетелей. В этой связи следует согласиться с В. А. Булатовым, который считает, что большинство активных участников процесса, в том числе и свидетель, не имеют гарантий личной безопасности со стороны государственных органов, поэтому добиться изменения их показаний на следствии особого труда не составляет [3]. Аналогичного мнения придерживается Е. В. Жариков, который полагает, что оказание давления на лиц, содействующих уголовному судопроизводству, свидетельством отсутствия серьезных гарантий безопасности свидетелей – самое распространенное средство подрыва системы уголовного судопроизводства [4].

Следствием этого является то, что уголовного наказания нередко избегают лица, виновные в совершении тяжких и особо тяжких преступлений.

Незащищенность от криминального воздействия со стороны обвиняемых побуждает лиц, осуществляющих расследование и содействующих им, фактически уклоняться от выполнения своего гражданского долга, отказываться от явки к следователю, уклоняться под различными предлогами от участия в производстве следственных действий, изменять показания, фальсифицировать доказательства, принимать незаконные решения и т. п. Подобная ситуация создает ощущение безнаказанности у преступников и во многом усложняет криминогенную ситуацию в стране.

Оперативно-следственная практика свидетельствует, что, не встречая адекватных мер по борьбе с криминальным противодействием, лидеры и авторитеты преступной среды, организаторы и руководители преступных сообществ для достижения своих преступных целей разрабатывают плановые и программные документы по противодействию правоохранительным органам, стремясь проникнуть во властные структуры, а в ряде случаев – захватить власть на региональном уровне.

Зарубежными и отечественными экспертами уже давно признано, что угрозы и насилие в отношении лиц, сотрудничающих с правоохранительными органами, стали «наиболее распространенными средствами подрыва системы уголовного правосудия». Защита указанных лиц отнесена к «глобальным» проблемам в сфере борьбы с преступностью [5].

Особенно актуально и проблемно стоит вопрос о защите участников уголовного процесса в связи с расследованием преступлений, совершенных организованными преступными группами. Особую распространенность получило противоправное воздействие на свидетелей, потерпевших, следователей, дознавателей, прокуроров, судей (подкуп, угро-

за, насилие и т. п.), что крайне отрицательно сказывается на раскрытии и расследовании преступлений, на рассмотрении уголовных дел в суде» [6].

Имея огромные материальные ценности и денежные средства, лидеры преступных организаций до 40–50 % из них тратят на организацию и осуществление криминального противодействия правоохранительным органам.

В России организованная преступность с поразительной быстротой воспринимает и претворяет в жизнь то, на что зарубежной организованной преступности потребовался не один десяток лет.

Имея практически неограниченные материальные средства для оказания противодействия правоохранительным органам, лидеры преступных группировок на достаточно высоком уровне организуют это противодействие. Это усматривается из организационной структуры преступной группы, в которую входят следующие специалисты: разведки, изучающие жертву и планируемое место преступления, планирование и обеспечение технологической цепочки совершения преступления; исполнителей преступления; обеспечения конспирации, контрразведки и организации противодействия правоохранительным органам; боевиков-телохранителей. Лидеры высокоорганизованных преступных группировок имеют на связи коррумпированных чиновников из законодательных и исполнительных органов власти, которые обеспечивают прикрытие и благоприятные условия для организации и осуществления противодействия.

Все это препятствует деятельности по расследованию преступлений и рассмотрению их в суде. По мнению Е. В. Жарикова, следствием нежелания свидетелей сотрудничать с органами следствия и суда является снижение раскрываемости преступлений [7].

По данным Госкомстата, в 2008 г. более 30 % из 40 тыс. опрошенных лиц заявили, что, если они станут свидетелями преступления, в правоохранительные органы о случившемся не сообщат [8]. Что же касается граждан, уже вовлеченных в уголовное судопроизводство в качестве свидетелей, то, как это видно из исследований В. А. Булатова, почти 90 % из них при опросе подтвердили, что при реальной угрозе жизни, здоровью или имуществу, при оказании на них или на их близких противоправного воздействия, они откажутся от дачи показаний или дадут ложные показания, несмотря на угрозу быть привлеченными за это к уголовной ответственности [9].

Наши исследования показали практически аналогичные результаты, но с одной особенностью: респонденты в возрасте до 25 лет заявили, что сами смогут постоять за себя, по их выражению, «отмажутся», а более старшего возраста – пояснили, что не желают иметь отношения ни с преступниками, ни с правоохранительными органами.

Таким образом, это свидетельствует о том, что участники уголовного судопроизводства в большей степени боятся, уважают, почитают (назовем это как угодно), но в конечном итоге послушно исполняют требования преступников, а не предписания закона и представителей правоохранительных органов

Как бы парадоксально это ни выглядело, но мы считаем, что условия для формирования подобного отношения к правоохранительной деятельности вообще, и, в частности, к расследованию преступлений заложены в нормах уголовно-процессуального кодекса. Постараемся это обосновать следующим образом.

В концепции судебной реформы Российской Федерации 1991 г. целью деятельности уголовной юстиции была объявлена не борьба с преступностью, а защита общества от преступлений путем реализации уголовного закона, а также защита прав и законных интересов граждан, попавших в сферу уголовного судопроизводства (обвиняемых, потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков) [10].

В этой связи профессор Э. Ф. Побегайло совершенно справедливо замечает, что в соответствии с такой капитулянтской концепцией, не допускающей никаких противоположных мнений, никакого плюрализма, в новом УПК РФ назначением уголовного судопроизводства и была объявлена защита прав и законных интересов потерпевших, а также защита прав, свобод и законных интересов обвиняемых (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Задачи, без сомнения, важные, но в самом УПК «перекос» сделан в пользу защиты обвиняемых. Борьба с преступностью объявляется «вульгарной» идеей [11].

Профессор В. И. Зажицкий по этому же вопросу пишет, что были преданы анафеме традиции отечественного уголовного судопроизводства, в частности УПК РСФСР. Ведь первоначальная задача любого уголовного судопроизводства – это раскрытие преступлений и изобличение лиц, виновных в их совершении. И только в ходе ее успешного решения, а также по ее результатам главным образом и обеспечивается защита прав и законных интересов обвиняемых и потерпевших [12].

В УПК РФ об установлении истины в правоприменительной практике вообще не упоминается. «Некоторые его разработчики вообще считают поиск истины в правосудии химерой» [13]. Но ведь только при условии установления истины по уголовному делу считается, что совершенное преступление раскрыто и преступник изобличен. Опровергнута презумпция невиновности обвиняемого (подсудимого). Эта истина означает также, что невиновный человек, на которого неосновательно было возведено обвинение в совершении преступления, оправдан, восстановлен в своем добром имени [14], а обвиняющие его лица понесли наказание, то есть изобличены в оказании криминального противодействия процессу раскрытия и расследования преступлений.

Англо-американская доктрина уголовного судопроизводства, некритически воспринятая разработчиками УПК РФ, не предусматривает вообще постановку вопроса о возможности установления истины в ходе расследования по уголовному делу [15]. По мнению сторонников этой доктрины, достижение объективной истины в уголовном процессе исключено. Может быть установлена лишь так называемая юридическая истина, основанием которой является не постижение объективной реальности, а «определение победителя в судебном споре» [16]. «...Цели состоят в выигрыше борьбы, а не в оказании помощи суду в установлении фактов» [17].

Руководствуясь таким назначением уголовного судопроизводства, каждая из сторон старается одержать победу в судебном споре, используя в этих целях любые средства и методы. Исходя из этого, очевидно, и судья может принимать решения вопреки фактам. Все это в конечном итоге создает условия для злоупотребления и нарушения прав участников уголовного судопроизводства.

Такой подход явно противоречит традициям отечественного уголовного судопроизводства. Так, еще Устав уголовного судопроизводства России 1864 г. (ст. 613) предписывал судье, председательствующему при рассмотрении уголовного дела, чтобы он направлял «ход дела к тому порядку, который способствует раскрытию истины».

Государственная политика борьбы с преступностью, в том числе и с криминальным противодействием процессу раскрытия и расследования преступлений, должна представлять собой основанную на нормах нравственности деятельность органов власти по сбалансированному обеспечению интересов личности, общества, государства либо отражение этой деятельности [18]. Политика государства в сфере борьбы с преступностью должна строиться, как отмечают многие ученые, на следующих принципах: справедливости, гуманности, законности, равенства всех перед законом, неотвратимости наказания [19]. Соблюдение указанных принципов – основа деятельности правоохранительных

органов, которые непосредственно осуществляют борьбу с преступностью и ее противодействием процессу раскрытия и расследования преступлений.

Вместе с тем приходится с сожалением констатировать, что соблюдение указанных выше принципов не наблюдается в нормах Уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Так, если механизм осуществления мер защиты потерпевших, свидетелей или иных участников уголовного судопроизводства и нашел свое декларированное отражение в нормах УПК РФ, то про защиту лиц, осуществляющих предварительное следствие, а также содействующих им в этом, совсем не упоминается.

При расследовании преступлений, совершенных организованной группой лиц, иногда возникает необходимость допрашивать в качестве свидетелей лиц, внедренных в организованную преступную группу, сотрудничающих с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность на конфиденциальной основе: негласных штатных сотрудников, доверенных лиц, лиц, состоящих на оперативном контакте и др. Сведения об указанных лицах в соответствии с ч. 1 ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию только на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД, но с письменного согласия указанных лиц в случаях, предусмотренных федеральными законами.

В соответствии с ч. 2 ст. 163 УПК РФ: «К работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность».

Следственно-оперативная практика давно уже выработала такой метод деятельности, как оперативно-розыскное сопровождение процесса раскрытия и расследования преступлений, совершенных организованной группой лиц. Но наш российский законодатель упорно игнорирует данный метод работы и не желает разработать механизм обеспечения безопасности лиц, содействующих раскрытию и расследованию преступлений. По нашему мнению, разработчики УПК РФ забыли те первые законодательные акты становления правового института защиты в отношении отдельных участников уголовного процесса, которые были приняты до введения в действие УПК РФ: в частности, ст. 10 Закона РСФСР «О милиции», ст. 7, 14 ФЗ «Об ОРД», ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и др.

В современной литературе по этому поводу совершенно справедливо отмечается, что «в результате происходящего реформирования совокупность прав, предоставляемых подозреваемым и обвиняемым, существенно приблизилась к мировым стандартам в области обеспечения прав человека, в отношении же потерпевшего от преступления практически ничего не изменилось» [20]. Положение обвиняемого всегда находилось в центре внимания процессуалистов, и для этого были веские основания, так как на протяжении длительного исторического периода миллионы россиян были жертвами ложных обвинений и подозрений [21].

Соблюдается ли принцип справедливости в современном понимании института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, сформулированного в ст. 11 УПК РФ? Анализ данной нормы и обобщение следственно-оперативной и судебной практики свидетельствуют о том, что в деле обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, к сожалению, имеется еще немало проблем, которые требуют своего решения.

Представляется, что в первую очередь нуждается в совершенствовании формулировка ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Так, например, в ней указывается, что при наличии доста-

точных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными противоправными деяниями, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц следующие меры безопасности:

1. При необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности (ч. 9 ст. 166 УПК РФ).

2. При наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц контроль и запись телефонных и иных переговоров допускаются по письменному заявлению указанных лиц, а при отсутствии такого – на основании судебного решения (ч. 2 ст. 186 УПК РФ).

3. В целях обеспечения безопасности опознающего предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ).

4. Закрытое судебное разбирательство допускается на основании определения или постановления суда в случаях, если этого требуют интересы обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ).

5. При необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, о чем суд выносит определение или постановление (ч. 5 ст. 278 УПК РФ).

Из всех участников уголовного судопроизводства только потерпевший, в соответствии с п. 21 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, и свидетель – с п. 7 ч. 4 ст. 56 УПК РФ, имеют право ходатайствовать о применении мер безопасности в отношении их, предусмотренных ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Среди прав других участников уголовного судопроизводства, указанных в гл. 5–8 раздела 2 УПК РФ, аналогичного требования не предусмотрено.

Обращает на себя внимание и то положение, что в ч. 3 ст. 11 УПК РФ предусматривается обеспечение безопасности потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства. К иным участникам уголовного судопроизводства в соответствии со ст. 56–60 гл. 8 УПК РФ относятся соответственно: свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятые. В этой связи возникает вопрос: какие меры обеспечения безопасности применяются к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения, защиты и суда? Подозреваемый, обвиняемый, активно сотрудничающие с органами расследования в целях изобличения участников организованной преступной группы, всегда будут являться объектом преступного воздействия со стороны лидеров и авторитетов преступной среды. При нашем исследовании выявлено 87 % подобных случаев.

Предусмотренные меры безопасности применяются только тогда, когда имеются достаточные данные о том, что этим лицам угрожают убийством, применением насилия. Указанное обстоятельство вызывает, по крайней мере, два возражения: 1) если потерпевшему и свидетелю угрожают преступники, то естественно предположить, что они уже

знают этих участников, их место жительства и другие данные. В этой связи, как правильно пишет А. А. Степанов: «становятся бессмысленными перечисленные в статьях меры безопасности, направленные на то, чтобы данные об их личности не указывались в протоколах следственных действий, в которых они участвуют (ч. 9 ст. 166), или чтобы их подлинные данные не оглашались в судебном разбирательстве и допрос их проводился в условиях, исключающих визуальное наблюдение (ч. 5 ст. 278)» [22]; 2) а если указанным лицам не угрожали, – их подкупили, – как поступать в этой ситуации?

Статьи 294, 295, 296 УК РФ предусматривают защиту уголовно-правовыми мерами лиц, осуществляющих предварительное расследование и правосудие: судей, присяжных заседателей, прокурора, следователя, дознавателя и других лиц. Однако ст. 11 УПК не предусматривает уголовно-процессуальную регламентацию механизма обеспечения безопасности указанных лиц.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в обеспечении защиты некоторых участников уголовного судопроизводства уголовно-процессуальный закон не выполняет своего предназначения в борьбе с преступным противодействием процессу раскрытия и расследования преступлений путем претворения в жизнь уголовно-правовых норм. Уголовно-правовые меры не могут сами по себе реализовываться и автоматически воздействовать на лиц, совершивших преступление. Поэтому уголовно-процессуальная процедура нужна для обеспечения задач, стоящих перед уголовным законом, урегулирования уголовно-правовых отношений.

Поскольку уголовное и уголовно-процессуальное право в равной мере направлены на борьбу с преступностью, а задачами УК РФ, в соответствии со ст. 2, является охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человека, а также предупреждение преступлений, то эти положения, безусловно, должны найти отражение в задачах уголовного судопроизводства. Это важно потому, что уголовный процесс является не только формой, способом борьбы с преступностью, единственно возможным способом реализации уголовного закона, но и способом защиты личности, ее прав и свобод в процессе расследования преступлений.

В этом отношении я солидарна с И. Л. Петрухиным, который считает, что «...Не менее, чем установление истины, важна и охрана прав человека при расследовании преступлений и рассмотрении дел в суде» [23].

О том же пишет Э. Ф. Куцова: «Задачи уголовного процесса должны отражать баланс интересов раскрытия преступлений и обеспечения прав и законных интересов граждан в уголовном процессе» [24].

Безопасность личности в уголовном процессе представляет собой ощущение защищенности и свободы жизни, здоровья и имущества конкретного лица и его близких от противоправных посягательств. В процессе расследования преступлений определенные ограничения прав и свобод лица со стороны должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную и оперативно-розыскную деятельность, возможны только в целях и при обстоятельствах, прямо указанных в законе. В остальных же случаях органы дознания, следователь, прокурор, суд обязаны обеспечить безопасность участников уголовного судопроизводства от противоправного воздействия на них со стороны лиц, заинтересованных в неправосудном решении.

Для достижения целей уголовного судопроизводства необходимо наличие следующих условий:

1. При расследовании преступлений установление истины во многом зависит от обеспечения реальной защиты лиц – источников доказательственной информации.

2. Справедливое решение по уголовному делу возможно при обеспечении надлежащей безопасности должностных лиц, осуществляющих расследование и судебное разбирательство.

3. Превентивный характер деятельности по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства, который заключается в следующем: а) заблаговременное прогнозирование ситуации с целью выявления возможных угроз, моделирование ее развития; б) своевременная реализация оперативно-следственной и иной информации для предупреждения и устранения возникшей угрозы.

Превентивный характер дает возможность реально обеспечить безопасность участников уголовного судопроизводства. В иных случаях речь идет не о безопасности личности, а о восстановлении уже нарушенных прав и принятии посткриминальных мер безопасности, что не всегда возможно.

4. Наличие достаточных средств и сил для обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Думается, что изложенное выше дает основание сформулировать ч. 3 ст. 11 УПК РФ в следующем содержании: «При необходимости обеспечения безопасности участникам уголовного судопроизводства и их близким родственникам суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции по находящимся в их производстве уголовным делам в отношении указанных лиц превентивные меры безопасности, предусмотренные ст. 166 ч. 9, ст. 186 ч. 2, ст. 193 ч. 8, ст. 241 п. 4 ч. 2 и ст. 278 ч. 5 настоящего Кодекса.

Дополнить ст. 11 УПК частями 4–8 со следующего содержания:

1. Аналогичные меры обеспечения безопасности применяются в отношении лиц, оказывающих содействие в проведении оперативно-розыскных мероприятий.

2. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, совершенных организованной группой лиц, преступным сообществом (преступной организацией), необходимо осуществлять одновременно с возбуждением уголовного дела и началом расследования по нему.

3. Прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи необходимо осуществлять в качестве превентивной меры обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

4. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства следует возложить на соответствующие оперативные аппараты, которые будут осуществлять его в рамках оперативно-розыскного сопровождения процесса раскрытия и расследования преступлений;

5. Материальные затраты на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства необходимо отнести к судебным издержкам, которые подлежат возмещению за счет лиц, виновных в оказании противодействия решению задач уголовного судопроизводства.

6. Это нынешняя ч. 4 ст. 11 УПК.

Мне представляется, что в таком дополнении содержатся концептуальные основы обеспечения уголовно-процессуальной безопасности участников уголовного судопроизводства.

Вместе с тем следует отметить, что без надлежащей организации по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства нельзя достигнуть эффективных результатов.

Список использованной литературы:

1. Джелали, Т. И. Некоторые проблемы защиты участников уголовного судопроизводства / Т. И. Джелали // Юристъ-Правоведъ. – 2004. – № 1(8). – С. 44.
2. Брусницын, Л. В. Проблемы формирования российского законодательства о защите лиц, содействующих уголовному правосудию / Л. В. Брусницын // Государство и право. – 2004. – № 2. – С. 32; Он же. Обеспечение безопасности участников процесса: возможности и перспективы развития УПК // Российская юстиция. 2003. – № 5. – С. 50; Сальников, М. В. Право и закон в правовом государстве // Правоохранительная деятельность и правовое государство / М. В. Сальников. – СПб., 1995. – С. 25; Малько, А. В. Правовое государство (лекция) / А. В. Малько // Правоведение. Известия вузов. – 1997. – № 3. – С. 143, 144, 146.
3. Булатов, В. А. Обеспечение следователем прав, законных интересов и безопасности потерпевших и свидетелей / В. А. Булатов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 1999. – С. 26.
4. Жариков, Е. В. Дифференциация уголовного процесса как средство обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству / Е. В. Жариков: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2004. – С. 3.
5. Обеспечение безопасности свидетелей при угрозе преследования преступниками // Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати). Ежемесячный информационный бюллетень. – 2002. – № 2. – С. 27–35.
6. Степанов, А. А. Проблемы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, совершенных организованными преступными группами / А. А. Степанов // Вестник криминалистики. – М., 2004. – Вып. 3(11). – С. 60–66.
7. Петрухин, И. Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью) / И. Л. Петрухин. – М., 1999. – С. 118.
8. Куцова, Э. Ф. Уголовный процесс России: истина и состязательность / Э. Ф. Куцова // Законодательство – 2002. – № 9. – С. 71–79.
9. Степанов, А. А. Указ. соч. С. 4–12.
10. Парий, А. В. Обеспечение прав потерпевшего: возможности совершенствования на основе зарубежного опыта / А. В. Парий, В. С. Шадрин // Правоведение. – 1955. – С. 17–18.
11. Общая теория прав человека / под ред. Е. А. Лукашевой. – М., 1996.
12. Разгильдиев, Б. Т. Уголовно-правовая политика: понятие и содержание / Б. Т. Разгильдиев // Правовая политика и правовая жизнь. – 2000. – Ноябрь. – С. 134.
13. Бойков, А. Д. Проблемы государственной политики борьбы с преступностью / А. Д. Бойков // Преступность: стратегия борьбы. – М., 1997. – С. 58–60.; Лопашенко, Н. А. Концептуальные основы уголовной политики: взгляд на проблему / Н. А. Лопашенко // Правовая политика и правовая жизнь. – 2000. – Ноябрь. – С. 125.
14. Махов В. Н. Юристы США о целях уголовного процесса США / В. Н. Махов, М. А. Пешков // Право и политика. – 2001. – № 5. – С. 66.
15. Там же. – С. 66.
16. Там же. – С. 67.
17. Побегайло Э. Ф. Указ. соч. / Э. Ф. Побегайло. – С. 26.
18. Зажицкий, В. И. О направлениях совершенствования Уголовно-процессуального кодекса РФ / В. И. Зажицкий // Государство и право. – 2004. – № 4. – С. 30.
19. Побегайло Э. Ф. Указ. соч. / Э. Ф. Побегайло. – С. 27.
20. Строгович, М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М. С. Строгович. – М., 1995. – С. 19.
21. Булатов В. А. Указ. соч. / В. А. Булатов. – С. 26.
22. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. – М., 1992. – С. 19.
23. Жариков Е. В. Указ. соч. / Е. В. Жариков. – С. 3.
24. Мнение населения о правовой защищенности и деятельности правоохранительных органов в Российской Федерации. Государственный комитет РФ по статистике. – М., 1992. – С. 103.